

пределы Обл. В. Д. и самое главное, чтобы нам, когда будем входить в город Новочеркасск, не чинили препятствий, т.е. не было бы выставлено войско около города и чтобы с домов и крыш и на улицах не стреляли в нас. При этих условиях мы городу Новочеркасску гарантируем всякую безопасность, не будет расстрелов и самосудов и город будет цел и невредим, – словом, чтобы не раздражать наших войск.

Подписал Главнокомандующий Северным Отрядом
Революционных войск Юр. В. Саблин
Ершов, Ивановский, Марков, Петров»

Через несколько часов после подписания приведённого документа ни Войскового Круга, ни Атаманской власти на Дону уже не существовало...

5.3. Падение Новочеркаска

В конце января 1918 г. пробивался с фронта в родные станицы боевой 6-й Донской казачий полк полковника Тацина. Отделившись от других казачьих эшелонов, постановивших разоружиться, полк оружия не сдал, и после стычки под Пятихаткой продолжил продвижение к Новочеркасску. Лишь 4-я его сотня заявила о желании примкнуть к Донревкому, и была пропущена большевиками на Миллерово.

Появление крупной, крепко сколоченной казачьей части в тылах продвигающихся к Ростову войск вызвало немалое беспокойство, как в ревкомах Рудничного района, так и в штабе Сиверса. Антонов-Овсеенко предписал комиссару Изюмского района Шарову встать во главе сводной кавалерийской группы и разоружить казаков. Прощупывая возможность продвигаться в эшелонах по железной дороге, полк вышел к Межевой, где и наткнулся на отряд Шарова. Завязалась перестрелка. Убедившись, что магистраль прочно занята советскими войсками, казаки ушли в степь и продолжили движение походным порядком.

27 января полк попытался пересечь линию железной дороги Иловайская-Таганрог у ст. Ряженое, но встретил серьёзное

сопротивление подошедшего к станции отряда Шимановского³⁹⁵. Полк отошёл к Матвееву Кургану и 28 января³⁹⁶ вновь выдержал серьёзный бой с подоспевшей группой Шарова. В итоге казаки прорвались на восток и далее никем не тревожимые³⁹⁷ проследовали напрямую к Новочеркасску. Не имея сведений ни о противнике, ни об обстановке, продвигался полк медленно. То и дело высылались по сторонам разведки и только после этого казаки совершали очередной переход. 4(17) февраля³⁹⁸ 6-й Донской полк, сохранив вооружение и всех офицеров, прибыл в столицу Области.

Принят полк был восторженно. С приветственным словом обратились к казакам Назаров и Волошинов. Выступали жители Новочеркаска. Рассказывали об одиночестве оставленного всеми Каледина и о подвижнической борьбе Чернецова. И казалось, слова их не остаются не услышанными.

6-му Донскому предоставили двое суток на отдых, по прошествии которых он, пополнив убыль людей и конского состава, должен был выступить к Персиановке. Казалось, угасающие надежды готовы были возродиться вновь. Конечно, один, пусть даже и фронтовой казачий полк не мог заметно изменить соотношение сил. Но он вполне мог стать первой ласточкой. За ним, благодаря его примеру, могли, как представлялось, вы-

³⁹⁵ Шимановский, командир одного из отрядов Сиверса, был до этого отряжен Антоновым-Овсеенко для сопровождения из Иловайской в Таганрог аэроплавной команды военлёта.

³⁹⁶ Даты боестолкновений 6-го Донского полка с отрядами Шарова и Шимановского у Межевого, Ряженого и Матвеева Кургана требуют уточнения.

³⁹⁷ 28 января Шарову была поставлена новая задача: разоружить 3-ю кавалерийскую дивизию. Ещё 18 января Антонов-Овсеенко прибыл в расположение дивизии в Гришино и застал там совершенный развал. Солдаты открыто занимались распродажей дивизионного имущества. Дивизионный комитет смотрел на это сквозь пальцы, обещал сделать всё возможное для выступления на фронт, но реально за всё время дивизия выставила до двух эскадронов и одну батарею. Большая часть дивизии вскоре заявила «о нейтралитете в гражданской войне» и постепенно рассеялась. Шаров, ввиду полного разложения 3-й кавдивизии, проблем с разоружением её остатков не имел. Уцелевшее дивизионное имущество было сдано

³⁹⁸ Дату прибытия 6-го Донского в Новочеркасск называет в своих воспоминаниях Лукомский. По сравнению с другими источниками, она представляется наиболее реальной.

ступить и другие фронтовые части. Могли рассеяться и казаки Голубова. И тогда уже всё действительно вполне ещё могло и перемениться. С пятью-шестью тысячами закалённых Великой войной бойцов столь решительный генерал, как Назаров, способен был растрепать советский фронт. Не стоит забывать, что тому же Чернецову не раз и не два удавалось поколебать его с горсткой юнкеров и реалистов.

Однако случилось обратное. На отдыхе полк, тщательно ограждаемый членами Круга «от присутствия неблагонадёжных элементов», не подвергся большевистской агитации. Но от разговоров со знакомыми, родными и близкими уберечь казаков было невозможно. И в общении с ними постепенно прорисовывалась реальная обстановка. Полк, пробиваясь через большевиков, наблюдавший и на себе ощутивший всю собранную ими мощь, наверняка рассчитывал, что и Дону есть, чем ответить. И вдруг, выяснилось, что противопоставить Советам нечего, что полк – по существу единственная строевая часть, все остальные *уже разошлись по станицам и на помощь не придут*. Что положение, безусловно, проигрышное, шансы на победу отсутствуют напрочь, Каледин застрелился от безысходности, и в этом смысле, смерть его ничего не изменила...

И произошло то же, что и с казаками Краснова под Петроградом. По сравнению с августом 1914 г. ситуация изменилась и изменилась кардинально. В ноябре 1917 г., тем более, в феврале 1918 г. казаки уже могли выбирать, выступать им, или уклониться, погибнуть в бою, или, не принимая его, просто рассеяться и разойтись по домам. И 6-й Донской казачий полк свой выбор сделал. Через два дня его представители заявили о том, что полк выступает, но не на фронт, а в родную станицу. И там «клянётся вновь собраться под своё знамя для защиты родной земли». 6(19) февраля на рассвете сотни 6-го Донского проследовали в конном строю мимо Войскового Собора по Крещенскому спуску и покинули город. Никто им не препятствовал. 8(21) февраля полк дал знать, что воевать за атаманскую власть не станет.

Всё, по сути, было кончено. Однако под Персиановкой стояли немалые силы. В основном, из казаков, откликнувшихся на

призыв Назарова. По оценке Антонова-Овсеенко Атаман, не считая казаков-юнкеров военного училища, всё ещё располагал дружинами: Новочеркасской (до 500 штыков и сабель), Аксайской (до 150), Богаевской (до 250), Мелеховской (до 200), Раздорской (свыше 100) и Сусатовских хуторов (100).

Вечером 9(22) февраля под председательством Атамана было проведено заседание Военного совета с единственным вопросом, вынесенным для обсуждения: что делать? Назаров предлагал дать генеральное сражение, разгромить советские отряды и, оставив Новочеркасск, перейти в ст. Константиновскую, где и продолжить борьбу. По его мнению, удачный бой и серьёзное поражение противника под Персиановкой могли ещё «образумить» казаков-фронтовиков близлежащих станиц и вернуть их в строй, равно как и побудить казаков Голубова оставить большевиков и разойтись.

Остальные члены совета ему возражали, и доводы их представлялись весьма здравыми. Не было никакой гарантии, что разношерстным, наспех сформированным дружинам удастся серьёзно потеснить в разы превосходящего их как вооружением, так и численно, противника. Весьма вероятно, что наступление в этих условиях не удалось бы, и вместо притока фронтовиков случилось бы массовое оставление позиций казаками старших возрастов. Но, даже, если бы и удалось вновь занять Каменоломню, это ничего не изменило. И, прежде всего, не изменило бы психологию казаков, бегством своим от границ Области, в большинстве, уже проголосовавшим «за нейтралитет». А без массового участия казаков рассчитывать на победу и даже удачное сопротивление набравшим силу советским отрядам не приходилось. Что касается казаков Донревкома, то в силу относительной малочисленности и подчинённого положения, от их участия, или неучастия в боях к этому времени уже мало что зависело.

Назаров, в конце концов, с высказанными соображениями вынужден был согласиться. Походный атаман П.Х. Попов, не возражая в принципе против переноса центра тяжести дальнейшей борьбы в Константиновскую, предложил генерального сражения не давать, оставить оборонительный рубеж под Пер-

сиановкой без боя, но подразделения не распускать, а, объединив их в отряд, отойти в глубь Области. Мотивировка была понятной: вывести, всех тех, кто готов ещё был сопротивляться, из-под удара превосходящего противника, сохранить их, как боевую единицу, и дожидаться неизбежного, по мнению присутствующих, возмущения казаков «новой властью».

Предложение было принято. Назаров приказал генералу Попову организовать эвакуацию раненых, вооружения, ценностей и всего, что необходимо было перевезти в ст. Константиновскую. На этом заседании Военного совета было объявлено закрытым.

Назаров тут же позвонил генералу Лукомскому и сообщил о принятом решении³⁹⁹. При этом он высказал намерение остаться в Новочеркасске. Лукомский предостерег его от этого шага и посоветовал не подвергать жизнь опасности, на что Назаров ответил в том смысле, что если уж придётся погибнуть, он, как и покойный Каледин, уйдёт из жизни Атаманом войска Донского.

Утром 11(24) января Атаман доложил о решении Военного совета Войсковому Кругу. Круг принял решение направить в Ростов делегацию с целью обсудить условия капитуляции Новочеркасска и... продолжил заседание. Настроение членов Круга, их готовность прекратить сопротивление наглядно продемонстрировали всю иллюзорность возможности продолжительной обороны Константиновской. Вероятно, с чисто военной точки зрения предприятие и не выглядело заранее обречённым на неудачу. Крупные советские силы в то время с большой неохотой удалялись от железных дорог. Но очевидно было, с оставлением Новочеркасска привязанные к одной точке в глухой степи, казачьи дружины в несколько дней разойдутся по домам. Не случайно в последующем Попов в качестве способа существования отряда выбрал рейд. Лишь в непрерывном движении он мог сохранить свои силы и укрепить их боевой дух.

Назаров приказал Попову свернуть мероприятия по эвакуа-

³⁹⁹ Ещё 7(20) февраля Назаров сообщил в штаб Добровольческой армии, что «казаки никакой помощи оказать не могут, и что он больше не смеет задерживать на Дону Добровольческую армию». Корнилов убедился, что уходить из Ростова следует немедленно.

ции⁴⁰⁰, стать во главе отряда из всех подразделений, готовых продолжить борьбу, отойти к ст. Старочеркасской и далее действовать по своему усмотрению.

Днём 11(24) февраля Попов организовал собрания офицеров Новочеркасска и казаков Новочеркасской станицы. На обоих собраниях большинство выступающих высказывалось за присоединение к отряду. Впрочем, немало было и таких, кто предпочитал мирные переговоры с Голубовым. В итоге собравшиеся поговорили и разошлись. На призыв влиться в ряды защитников Атаманской власти из нескольких тысяч присутствующих откликнулись единицы. Начальник донского офицерского резерва генерал Груднев обещал Попову переговорить с офицерами, но первым же заявил, что сам покидать столицу Дона не собирается. Командующий Северной группой донских партизан Ф.Ф. Абрамов сложил свои полномочия и заявил, что также остаётся в Новочеркасске.

В ночь на 12(25) февраля делегаты Круга, полагаясь «на доброе сердце командующего «казачьим революционным отрядом» Голубова и его казаков⁴⁰¹», приняли решение остаться в Новочеркасске. Оставался с ними и Войсковой атаман Назаров⁴⁰².

⁴⁰⁰ В этих условиях эвакуация раненых становилась невозможной. Все они, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях, были оставлены в Новочеркасске на попечении Войскового круга и городского самоуправления.

⁴⁰¹ Назаров располагал сведениями, что первыми войдут в Новочеркасск именно казаки Донревкома.

⁴⁰² В ночь с 11(24) на 12(25) февраля Лукомский имел последний телефонный разговор с Назаровым, в котором вновь пытался убедить Атамана присоединиться к Добровольческой армии. Назаров подтвердил свою решимость остаться с делегатами Круга в Новочеркасске. При этом он утверждал, что большевики, тем более, «голубовцы», не посмеют тронуть выборного Атамана и Войсковой круг, и их присутствие уберезит город от разграбления. Лукомский привёл последний аргумент: «Если Вы останетесь, то Вас растерзают, – убеждал он Атамана. – Я понимаю, что можно было бы на это идти, если бы Вы этим что-нибудь спасали. А так погибнуть – совершенно бесцельно». На это Назаров ответил, что если он заблуждается в своём оптимизме, и если ему суждено погибнуть, то погибнет он, как завещал покойный Каледин, сказавший перед смертью, что выборный Атаман не смеет покидать столицу Области войска Донского...

Лукомский успел ещё распределить среди остающихся в Новочеркасске раненых и больных добровольцев незначительные, выделенные Алексеевым денежные суммы и на рассвете 12(25) февраля на санях покинул город. Присоединился к Армии он уже в Ольгинской.

Ощущение близкого конца овладело всеми.

Среди всеобщей апатии лишь Попов, не опуская рук, энергично и настойчиво выполнял возложенное на него поручение. С рассветом 12(25) февраля начался отход казаков от Персиановки, который своевременно обнаружен красногвардейцами не был. После полудня отряд Походного атамана в полном порядке, захватив с собой часть войскового золотого запаса⁴⁰³, покинул столицу Области и проследовал к Старочеркасской. Туда же постепенно подтягивались все те, кто посчитал своим долгом присоединиться к партизанам. Никто из них даже и не подозревал, что уже является участником легендарного похода, позже названного «Степным»...

На 9(22) февраля штаб Саблина находился на станции Шахтная. Группировка его войск была следующей. В центре, севернее Персиановки, железную дорогу седлали главные силы, включая отряды черноморских и балтийских моряков и несколько казачьих сотен Донревкома под командованием Голубова.

Правый фланг с 6(19) февраля обеспечивала так называемая «колонна Медведева». История её создания и появления на фронте такова. При перемещении штаба Антонова-Овсенко в Никитовку, в Харькове продолжал функционировать «тыловой» штаб. Однако вместо помощи, штаб, штаты которого разрослись до размеров усиленной роты, начал заниматься несвойственной ему деятельностью и вмешиваться как в распоряжения «Харьковского» правительства⁴⁰⁴, так и в оператив-

⁴⁰³ Попов с разрешения Назарова согласился взять из казначейства лишь незначительную часть золота и ценностей, и в этом была своя логика. Громоздкий транспорт с золотым запасом потребовал бы усиленного внимания и охраны, без сомнения лишил бы отряд подвижности и манёвренности. В условиях отхода в степи, где проблем хватало и так, не золото являлось главным, но сохранение боевого духа. Всё, что не способствовало этому, Назаровым и Поповым было отринуто без раздумий и сомнений.

⁴⁰⁴ Конфликт Антонова-Овсенко с харьковским ЦИК то затухал, то разгорался, не прекращаясь, практически на протяжении всей компании. Любопытно, что Ленин, высоко ставивший Антонова-Овсенко и безусловно ему симпатизирующий, в этом случае неизменно занимал сторону «харьковских товарищей». Вот текст его телеграммы, отправленной в разгар боёв Антонову-Овсенко:

«21/1.1918

Тов. Антонов! Я получил от ЦИК (харьковского) жалобу на Вас. Крайне жа-

ные планы Главкома. В частности, «представитель Наркома» Медведев, вопреки приказу Антонова-Овсеенко, успел перенацелить прибывающие пополнения с Калединского фронта на Украину. Получив прямые указания, Главком во второй половине января раскассировал Харьковское представительство, оставив в городе лишь тыловые учреждения. Работники тылового штаба были распределены на советскую и партийную работу, Медведев же был направлен к Саблину командиром. Вскоре Саблин докладывал Антонову-Овсеенко следующее:

«С правого фланга у меня 600 штыков с 6-й конной 2-х орудейной батареей. Выгрузились с Рудничной ветки, идя на запад от Горной. Заняли Кошкин, Несветайск и идут на юг с тем, чтобы левым флангом войти в связь с моим отрядом, стоящим в Кутейникове, отдельные люди которого у меня были, а правым флангом наступать на Персиановку с запада на восток.

Командует этим отрядом Медведев. Кстати сказать, Медведев пока помощи приносит мало: больше чешет языком и не особенно умно, зато особенно нетактично. Мне с ним хлопот много, особенно, когда он в присутствии казаков начинает говорить о том, что, покончив с Калединым, мы примемся за зажиточных казаков или, придя в Кронштадтский отряд, где много левых эсеров и анархистов, начинает им доказывать, что для успешного хода русской революции их всех надо перевешать...»

Слева, в районе Костюково – Ягодин стал отряд Петрова, который также успел создать дополнительные проблемы. В разгар боёв за Каменскую, Лихую и Зверево он с отрядом красногвардейцев и даже при артиллерии неожиданно выехал в Воронеж, якобы, на подавление «восстания монахов». Там его едва не арестовал председатель ВРК Моисеев и его же собственный

лею, что моя просьба к Вам объясниться не дошла до Вас. Пожалуйста, поскорее свяжитесь со мной... чтобы мы могли поговорить с Вами толком и объясниться хорошенько. Ради бога, приложите все усилия, чтобы *все и всяческие* трения с ЦИК (харьковским) *устранить*. Это *архиважно в государственном* отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними *всяческий* суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить.

Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и *абсолютного* мира с харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен *архитакт национальный*...

Ваш Ленин»

штаб, который, как оказалось, из Воронежа и не выезжал, разросся до 140 человек, и вообще, непонятно чем занимался за сотни километров от фронта. Счастливо избежав неприятностей и «помирившись» с Моисеевым, Петров 8(21) апреля прибыл с отрядом на ст. Зверево.

Здесь он, углядев опечатку в тексте приказа⁴⁰⁵, опубликованного в газете «Известия», спровоцировал на выступление солдат своего отряда. Разгорячённые бойцы заявили, что их командир обойдён, и что, если его имя не будет упомянуто в приказе, отряд фронт оставит. Саблин, создавший и имевший уже за собой реальную силу на этот раз действовал решительно. Переговорив предварительно с командирами моряков Мокросовым и Каллисом, он предъявил Петрову ультиматум: либо тот подчиняется приказам и выступает на фронт, либо в отношении его лично и его отряда будут применены репрессии. Петров, ни минуты не раздумывая, поспешил заверить Саблина в том, что он всецело в его распоряжении, 9(22) февраля разгрузит отряд на станции Шахтная и будет двигаться на удалении до 10 километров от железной дороги, прикрывая левый фланг основных сил.

Несмотря на то, что в этот раз Петров сдержал своё обещание, Антонов-Овсеенко вынужден был прямо от только что взятой станицы Гниловской добираться к Саблину и мирить «своих командующих». При этом Петрову было обещано «более самостоятельное задание», на чём всё и успокоилось.

Вполне вероятно, и Медведев, и Петров разошлись, или же были разведены, по флангам не столько для их обеспечения, сколько для того, чтобы лишний раз подтвердить независимый статус и избежать по возможности конфликтов с «командармом» Саблиным. Все эти нелепые пререкания не способствовали, конечно же, решительному продвижению войск.

⁴⁰⁵ В опубликованном в №5 газеты «Известия» приказе от 4(17) февраля говорилось о назначении командующих фронтами: Северным – Саблина, Западным (Ростовским) – Сиверса, Юго-Восточным – Автономова. Но вкралась опечатка, и вместо фамилии «Автономов» в тексте значилось «Антонов». Имя же Петрова, который с первых дней именовал себя «командующим армией» и даже «командующим Юго-Восточным фронтом», не упоминалось вовсе.

Так, или иначе, но судьба Новочеркаска решилась ни Петровым, ни Медведевым, ни даже Саблиным, а войсковым старшиной Голубовым. Ворваться в Новочеркасск первым желали все. Но если для советских командиров это был вопрос честолюбия, то у Голубова находились и другие, куда более значимые, стимулы. Он лучше других понимал, что с падением Атаманской власти, *всё только и начнётся*, и почему-то был уверен, что человек, пленивший Чернецова и взявший Новочеркасск, «новой властью» забыт не будет. Вопрос был в том, как это осуществить.

За время боёв Саблин, следует признать, кое-чему научился. И, прежде всего, глубоким фланговым охватам. Но под Персиановкой казаков было больше полутора тысяч. Обойти их, в силу растянутости фронта и достигнутой глубины обороны, не представлялось возможным. Лобовой же удар был чреват, как большими потерями, так и поражением. Отойти от железнодорожного полотна *на достаточное удаление* никому и в голову не приходило. Дорога была всем, и всё обеспечивала. Резервы, боеприпасы, возможность быстрого отхода. Степь, заснеженная и пустынная, ничего хорошего очевидно не сулила.

Голубов, образцовый кавалерийский командир, увидел всё это, едва прибыл на позиции. Но главное, догадался, все силы Назаров сосредоточил у Персиановки и в Казачьих лагерях. Новочеркасск наверняка пуст. Достаточно только обойти растянутый казачий фронт и город можно будет брать голыми руками. Уже 8(21) февраля он испросил у Саблина разрешение на производство первого в гражданской войне конного рейда. Саблин согласился, так как вполне резонно рассчитывал одним ударом закончить всё без большого боя и больших потерь. То, что Новочеркасск будет взят войсками *бывшего* Донревкома⁴⁰⁶, было

⁴⁰⁶ 6(19) февраля казачий (Каменский) ВРК объединился с напомнившим о своём существовании Донским областным ревкомом, образовав единый Областной Военно-революционный комитет. Председателем его оставался Ф.Г. Подтёлков. Заместителем стал С.И. Сырцов. В одном из первых постановлений говорилось следующее: «Областной Военно-революционный комитет верит, что объединение казачьего и неказачьего комитетов является отражением того единства, которое спаяло трудовые массы». Влияние и значимость Каменского Донревкома сводились к минимуму. Формально самостоятельной роли он уже не играл.

ему лишь на руку. Более того, он поставил Голубову условие, что в обход пойдут только казаки.

10(23) февраля 1918 г. Голубов во главе нескольких сотен 27-го и 44-го Донских полков выступил из Шахтной. Первоначально планировалось двигаться по маршруту Шахтная – Мелиховская – Бессергеновская – Новочеркасск, выйти к Бессергеновской 13(26) февраля, а дальше, действовать по обстановке. Однако Голубов, желая подстраховаться и выяснить вначале обстановку, взял левее. В то же время, следовал отряд ускоренным маршем. К вечеру прошли Раздорскую.

Убедившись, что опасаться нечего, уже ночью добрались до Мелиховской, где и заночевали. Голубов, наблюдая безразличие казаков к происходящему, опасаясь опоздать, торопился сам и торопил других. На рассвете 11(24) февраля проследовали дальше. В сумерках миновали Бессергеновскую, но не заночевали в станице, лишь дали отдохнуть лошадям. Тронулись дальше и в темноте сбились с пути. Покружив в темноте, нашли свою дорогу, но Кривянской достигли лишь с рассветом 12(25) февраля. Здесь, перед последним переходом устроили короткую днёвку.

Круг в этот день продолжал свою работу. От казаков получены были сведения о движении отряда Голубова. Кругом навстречу с целью начать переговоры о капитуляции⁴⁰⁷ был направлен есаул Сиволобов. Однако о результатах своей поездки Сиволобов Кругу доложить не успел. Едва есаул вернулся назад, сразу вслед за ним, не встречая сопротивления, в город вошёл отряд Голубова. Сам войсковой старшина в сопровождении вооружённых казаков проследовал к зданию Судебных установлений, где работал Круг, и ворвался в зал заседаний.

Здание судебных установлений

⁴⁰⁷ Ранее делегаты Круга с теми же полномочиями были направлены в занятый уже отрядами Сиверса Ростов.

– Встать! – громко и размеренно, будто на плацу, командовал Голубов от распахнувшихся дверей и направился к столу президиума.

Разом, отодвигая стулья, поднялись *все*. Лишь Назаров остался сидеть.

– Как вы смеете прерывать заседание Круга? – крикнул он.

– Вы арестованы! – также сорвался на крик Голубов. Он вдруг подобрался к генералу и сорвал с его плеча погон. – Молчать! Берите его...

Тут же арестовали и увели Назарова и Волошина. Думается, будь Голубов с Назаровым⁴⁰⁸ наедине, войсковой старшина повёл бы себя иначе. Но прилюдно ему необходимо было продемонстрировать «революционность». В такие моменты о благопристойности своих поступков Голубов не задумывался.

Депутаты Круга продолжали стоять, боясь и шевельнуться.

– Как же нам быть? – спросил негромко один из них, стоявший ближе.

– Нам не до вас, – махнул рукой Голубов. – Убирайтесь к чёрту.

С этими его словами в 17 часов 12(25) февраля работа Войскового Круга, названного за отсутствием большего числа депутатов Малым, была завершена.

Лишь ночью в Шахтной стало известно о занятии Голубовым Новочеркаска. Красногвардейские отряды, убедившись, наконец, что казачий фронт под Персиановкой брошен, начали продвигаться к городу. В 12 часов 13(26) февраля в Новочеркасск вошёл, проявивший большую расторопность Медведев. В 14 часов, расстроенный, что его опередили, – Петров.

Саблин назначил комендантом города Медведева. То ли он не подумал о последствиях, то ли решил с самого начала указать Донревкому его место, но Голубов воспринял это, почти как личное оскорбление. И назначение это было первым шагом к конфликту местного значения с войсковым старшиной Голубовым, но также, и к конфликту куда более масштабному. С большей частью затаившегося до поры Донского казачества.

⁴⁰⁸ Каледин освободил Голубова с гауптвахты, благодаря ходатайству генерала Назарова. И войсковой старшина об этом знал.

Прошло уже больше суток, как Ростов был оставлен Добровольческой армией...

5.4. Последние бои. Батайск

Как и в Новочеркасске, на Ростовском фронте, если не всё, то многое, также решила конница. Вернее, её наличие у большевиков, и почти полное отсутствие у добровольцев.

Для того чтобы двинуть 4-ю кавдивизию на фронт, Антонову-Овсеенко пришлось лично выезжать в Бахмут. С комдивом Жуковым 22 января договорились о следующем: дивизия, оставаясь в непосредственном подчинении Главкому, должна была сосредоточиться в Голодаевке, а затем, выдвинуться на левый фланг Сиверса и, обеспечивая его, наступать в общем направлении на Бабинское – Султан Салы – Ростов. Для этих целей в Иловайской развёртывалась продовольственная база. 25 января Жуков докладывал, что Драгунский и Уланский полки уже находятся в Голодаевке, Стрелковый полк выгрузился у Закадычного и следует дальше в походном строю. 4-я кавалерийская стягивалась постепенно к Козлово.

Подходили подкрепления и непосредственно подчиняемые Сиверсу. За короткий срок прибыли 3-й Вяземский латышский (до 400 штыков) и 18-й Сибирский стрелковый полки, 1-й Донецкий революционный полк Красной гвардии (до 2-х рот), рота, сформированная из германских военнопленных (100 штыков при 4-х пулемётах) и две 4-х орудийных батареи 13-го тяжёлого артдивизиона.

Впрочем, не изжиты ещё были и проявления иного рода. Так, командир бронепоезда Годлевский, ссылаясь на недостаток снарядов к морским орудиям, увёл бронепоезд, вместе с командой на Никитовку и далее на Москву. И задержать его не смогли.

Серьёзной проблемой стало решение СНК провести демобилизацию Старой армии⁴⁰⁹. И Сиверс, и Саблин к этому времени уже имели в своих отрядах значительное количество красногвардейцев, не подлежащих мобилизации, но без снятых с

⁴⁰⁹ Приказ Главковерха Крыленко о демобилизации Старой армии был опубликован 30 января 1918 г.